

Моя сестренка
любит вишню

Анна Сандэмо

Самая обычная семья. Казалось бы, все как у всех, и ничто не вызывает подозрений. Каждый член семьи ведет заурядный образ жизни, имеет свои дела и увлечения. Однако одно из увлечений старшего сына семьи Фелтон по имени Сэм является не совсем нормальным... Его неотвратимо влечет к собственной младшей сестре.

Глава 1. Семейство Фелтон

Солнце медленно начинало всходить над Рио-Гранде. Оно лениво выглядывало из-за горизонта, освещая своим ярким взором все окрестности Огненной Земли Аргентины. На пути одного из его лучей стоял большой трехэтажный дом с темной, красно-оранжевой крышей и шершавыми, светлыми, желто-бежевыми стенами. Вокруг дома витала атмосфера благополучного спокойствия и умиротворения. Все кустарники и клумбы были ухоженными — о них явно заботилась добрая рука женщины, которая жила в этом доме на правах хозяйки. Газоны тоже были сочно выстрижены, а деревья, казалось, с радостной улыбкой тянулись к щедрому небу за новой порцией солнечной энергии. Под утренним светом начал виднеться и бледно-рыжий кафельный порожек дома с парой маленьких скамеечек; обставленный горшками с черноземом, из которого вытягивались молоденькие и новенькие росточки каких-то растений. Бледная деревянная входная дверь была недвижима и, кажется, тоже спала, плавно дыша и ожидая, когда владельцы дома начнут ею пользоваться. В самом же доме царила полнейшая тишина и домашняя идиллия еще не проснувшегося семейства Фелтон. Просторная прихожая с высоким потолком, в который упирались рослые колонны, дышала свежестью, которая со временем — ближе к полудню — в Аргентине, обычно, превращалась в сухой и знойный жар. По прохладному и пока что не разогревшемуся кафелю бегали солнечные зайчики, образующиеся где-то у длинных и больших окон. Даже насыщено красочные и разнообразные цветы в вазах, которыми был богат весь дом от первого до третьего этажей, выглядели пока что сонными и только начинающими пробуждаться после долгой и продолжительной ночи.

Пока все члены семьи еще спят, предоставляется прекрасная возможность детально изучить дом.

В прихожей, с правой стороны, находятся две арки, которые пропускают в коридоры, огибающие ванную комнату, предназначенную чаще всего для гостей. В конечном итоге эти два коридора соединяются в один и ведут в столовую и кухню. Нужно заметить, что повсюду — порядок и чистота, которые поддерживаются матерью семейства Фелтон, несмотря на то, что она постоянно занята работой, но о ней чуть позже. На кухне все расположено по своим местам, на полу лежат махровые темно-красные ковры, придающие холодному помещению уют. Место для готовки оборудовано максимально удобно и современно, потому что в этой семье приготовлению пищи и еде в целом уделяется особое внимание. Далее мы видим столовую, которая обустроена одновременно и для семейных трапез, и для празднований с гостями. Большой стол в центре комнаты был, пожалуй, самым старым и бывалым персонажем в этом доме. Он достался Фелтонам по наследству от давно уже умершей родственницы, жившей где-то на севере Аргентины. В помещении было все, что нужно для столовой в наши дни: и барная стойка, и буфет со всевозможным сервизом разного возраста и происхождения, и столик с извечными закусками и угощениями, которыми можно было полакомиться после основных блюд; и укромные места для разговора тет-а-тет — особенно были полезны эти местечки, когда дом Фелтонов посещало большое количество незамужних леди с неженатыми молодыми людьми, хотя сейчас такое случалось редко.

Как можно было заметить ранее, на первом этаже везде были холодные каменные и кафельные полы и такие же стены. Связано это было с тем, что из-за жаркого и зачастую влажного климата в знойный день совершенно невозможно было находиться в доме, поэтому

Фелтоны прятались от духоты в течение дня либо на первом этаже, где всегда было относительно прохладно, либо на улице поблизости от бассейна на заднем дворе. Судя по общей обстановке во всем доме, напрашивался невольный вывод о том, что семейство было обеспеченным, и не просто состоятельным, а весьма богатым. Это отмечали и ближайшие соседи, с которыми у Фелтонов были прекрасные отношения. Когда люди проходили мимо их дома, то сразу же обращали внимание и на его громадные размеры, и на внешнее убранство переднего и заднего дворов.

Если проскользнуть на второй этаж, то в глаза сразу же бросается теневой контраст. По сравнению с первым этажом, второй и третий были значительно темнее, но уютнее. Здесь уже не было кафельных полов и каменных стен, а на окнах висели длинные темно-пастельные занавески. Казалось, что верхние ярусы дома были меньше, чем первый, но это не так. Ощущение такое создавалось только потому, что наверху была жилая зона семейства — их комнаты. Заглянем же в одну из них.

Первое помещение, обустроенное в классическом стиле в светло- и темно-зеленых спокойных тонах, принадлежало супружеской паре: Анне и Саймону. Анна Фелтон — это та самая женщина, о которой упоминалось в самом начале. Она была матерью троих детей и сейчас вынашивала четвертого на довольно раннем сроке. Внешностью эту особу природа не обделила, дав ей все те качества, которые должны быть у настоящей женщины: широкие бедра, небольшой мягкий живот, большая и пышная грудь, длинные ноги, нежные и умелые руки, умудряющиеся находить время до и после работы, чтобы вести все домашнее хозяйство от готовки и уборки до ухода за садом. Внешность у Анны также была примечательная. В этой женщине сразу же чувствовалась некая благородная порода. У нее были типические греческие черты лица: плавно выделяющиеся скулы, прямой ровный нос, большие оливковые глаза, средней пухлости губы. Традиционную внешность Анны составляли также и ее длинные, густые и здоровые волосы рыжевато-каштанового оттенка, которые она никогда не красила и старалась стричь и укладывать в прически только при крайней необходимости. Эта особа отличалась очень кротким и мягким, доброжелательным нравом. Она никогда не перечила и не дерзила мужу, всегда любила и баловала своих детей, заботилась о них, но это до тех пор, пока они не выросли. Дело все в том, что Анна была по профессии писательницей, которая вечно пребывала в своих грезах и фантазиях, витала в облаках, жила в мире собственных книг и историй. Работала она во время беременности и некоторое время после нее дома, а потом возвращалась в свой офис на другом конце Рио-Гранде, где она и ее личный редактор, а по совместительству и соседка, и лучшая подруга, Линси Картрайт, начинали или завершали работу над очередным литературным произведением.

Что же касается главы семейства, Саймона Фелтона, то про этого мужчину средних лет можно было сказать следующее: трудоголик и карьерист, который даже малочисленное свободное время проводит безвылазно в своем личном кабинете дома, в который нельзя войти ни одному из членов семьи, кроме самого Саймона. И этому есть разумное объяснение: Саймон гениальный программист, который получает за свою работу огромные деньги, но она имеет и весомый риск, так как он разрабатывает компьютерные вирусы и программы по взлому различных систем на важных военных и политических объектах. Такая работа требует всецелого погружения в нее и стопроцентной сосредоточенности и концентрации. По характеру глава семейства Фелтонов был сдержанным и сильным, ответственным — настоящий кормилец и добытчик. Да вот только времени на свою семью — жену и детей — у него абсолютно не было. Иногда Саймон даже не приходил домой, по

несколько дней пропадая на работе. В начале семейной жизни, когда пара имела только одного малолетнего ребенка и ждала второго, Анну беспокоило такое карьерное рвение, но со временем она успокоилась, поняв, что муж любит и хочет только ее одну, а сложную работу супруга стала воспринимать как должное и неизбежное. Сам же Саймон, пожалуй, не осознавал, что все свое время посвящает программированию, ведь это не было для него проблемой. По внешности он походил скорее на арийца, но это было объяснимо, так как в роду Саймона и вправду были чистокровные немцы. Взять в пример хоть его умершую мать — она была немкой от кончиков волос до кончиков пальцев, вот и у Саймона проскакивали те самые настоящие черты истинного немца не только во внешности, но и в характере: трудолюбие, педантичность, самоконтроль, большая сила воли и упорство буквально во всем.

Ну, что ж, удалимся же от старших членов семьи и перейдем к отпрыскам Фелтонов. Рядом с дверью комнаты Анны и Саймона располагалась дверь в светло-голубую и минималистически современно обставленную комнату их среднего сына по имени Уильям. Уил пошел по внешности скорее в мать, так как от Саймона он имел только редкие черты лица и светло-серые глаза, а вот волосы у него были одного цвета с Анной, да и общие внешние характеристики он тоже перенял от нее, поэтому, на первый взгляд, Уильяма можно было назвать жеманным и даже несколько женственным. Но это исконное впечатление мягкости и слабости было обманчиво. Уилу было семнадцать лет, и он учился в школе с математическим уклоном. Да, действительно этого парня можно было назвать гением, как и его отца, так как в учебном заведении он всегда имел самый высокий средний балл из всех учеников старших классов. Уильям был педантичен, аккуратен, опрятен, пунктуален, умен, продуман, логичен и очень хитер. Хитрость и изворотливость этого парня проявлялись везде, где только можно было. Он мог запросто пойти на любую мерзость и подлость, чтобы в результате оказаться лучшим, но притом не выставив себя виноватым или хотя бы даже причастным. В комнате парня соблюдался строгий порядок и не его матерью, а им самим. Для Уила были важны четкость и порядок во всем: от внешнего вида и убранства комнаты до учебы и общения с людьми. Уильям строил грандиозные планы на будущее, хотел успешно сделать себе карьеру, уехать из семейного гнезда и жить отдельно. Из-за такого излишнего трудолюбия и тяги к совершенству парень приобрел не очень хорошие черты характера, такие, как высокомерие, самовлюбленность, эгоцентризм и эгоистичность.

Но не будем долго задерживаться на плохом и перейдем ко второму ребенку семейства, к Реджине Фелтон, комната которой располагалась на третьем этаже дома. Собственно, это была единственная комната на третьем этаже, которая до рождения Реджины использовалась Анной и Саймоном как мансардная. Но, когда в семье появился третий ребенок, и это оказалась девочка, то радости родителей не было предела, и они с удовольствием обустроили для дочки самую лучшую комнату в их доме. Уильям поначалу часто завидовал Реджине, когда они были детьми, потому что Анна все свое небольшое свободное время уделяла только ей одной, совершенно забывая про остальных отпрысков. Но теперь все дети выросли, и родители были заняты только работой, поэтому причин для зависти и ревности ни у кого не было.

Реджина была всегда очень активной и энергичной девочкой, поэтому родители отдали ее в школу со спортивным уклоном. Недавно ей исполнилось шестнадцать лет, и она на данный момент являлась самым младшим ребенком Фелтонов. Девушка всегда имела веселый и задорный нрав, она была легкой и приятной по общению, поэтому каждый

человек, который разговаривал с ней хотя бы раз, должен был для себя признать, что после такого общения у него сформировался непроизвольно позитивный и славный настрой. Реджина часто улыбалась, а когда грустила, старалась никому этого не показывать и держать все плохие эмоции внутри себя. Юная особа очень любила спорт, была буквально помешана на нем, и потому Анна пришла к выводу, что на большом и широком балконе комнаты Реджины необходимо установить те тренажеры, которые нужны для занятий спортом индивидуально ее дочери. Так и было сделано. Реджина была вне себя от радости. Из-за подобного фанатизма к спорту к шестнадцати годам у девушки сформировалось очень красивое, стройное и подтянутое тело. Многие парни находили ее сексуальной и притягательной в физическом плане, так как Реджина часто и неосознанно оголялась: носила очень короткие шорты, топики, майки с откровенными вырезами и тому подобное. Но девушка не делала этого из каких-то пошлых и развратных побуждений — все было проще: после школы, обычно, Реджина всегда отправлялась на длительную тренировку, и, так как климат в Рио- Гранде был, как уже говорилось, жарким и влажным, особенно летом, то ей просто необходимо было максимально обезопасить себя от теплового удара. А сделать это можно было, в первую очередь, фактическим отсутствием одежды. Никто Реджину не осуждал — ни в школе, ни в семье. В школе все считали Реджину очень милой и простодушной девчонкой, с которой можно здорово провести время, которая может помочь и поддержать. Конечно же, поклонников у девушки было очень много, ведь и по внешности она была весьма привлекательна. Ее волосы были подстрижены под короткое каре с длинной косой челкой, а цвет девушка старалась при помощи краски всегда поддерживать темно-алым; у Реджины были ясно-голубые немного узковатые, но с красивым разрезом глаза, которые удачно обрамлялись длинными угольно-черными ресницами. Черты лица этой особы были тонкими и слегка заостренными, что выглядело в некоторые моменты и при правильном освещении немного строго. Длинные губы Реджины, особенно когда та улыбалась, придавали ей лучезарный вид. Девушка была довольно сообразительна и умна, но основной уклон у нее всегда уходил на оттачивание спортивных навыков. Она никогда не задумывалась о каких-то романтических отношениях, потому что в свободное от учебы и тренировок время она находилась в обществе своих многочисленных подруг. Это — с одной стороны — неплохо ограничивало Реджину от совершения преждевременных ошибок, но — с другой — у нее совершенно не было опыта. Девушка даже ни разу не целовалась за все шестнадцать лет своей жизни, хотя многие ее подруги уже значительно преуспели в этом плане. Некоторые из них даже перешли границу от девушки к женщине, что частенько шокировало Реджину, когда она узнавала об этом, ведь о сексе эта юная особа никогда даже не помышляла. И не думала она об этом не потому, что та была застенчивой и робкой, а потому, что у нее не было просто времени помышлять о каких-то подобных вещах.

И заключительной частью описания семьи Фелтонов станет, можно так сказать, основной персонаж по имени Сэм, самый старший ребенок Анны и Саймона. Сэму было почти двадцать лет, и он учился в музыкальном колледже, оканчивал второй курс. Этот парень поистине был талантлив и одарен: у него был безупречный музыкальный слух, приятный тембр голоса, и он имел хорошо развитое абстрактное мышление. Сэм был чрезвычайно тонкой натурой, хотя умело маскировал это за своими наигранными повадками и своим видом светского красавчика. Внешностью Сэм был очень сильно похож на своего отца, парень был невероятно красив и статен. Он имел пепельно-блондинистые — почти белобрысые — волосы, глаза цвета светло-пасмурного неба, волевые и мужественные, по-

жесткому правильные черты лица, пухловатые, но приятной формы губы, которые окаймляла светлая щетина-эспаньолка. Тело от природы Сэм имел подтянутое: широкие плечи, узкие бедра, накаченные ноги и руки — но притом спортом парень особенно не увлекался, посещал спортивный зал несколько раз в месяц и только, если ему нечего было делать. Сэм отлично владел гитарой и вокалом, преподаватели частенько хвалили его за стремление к музыкальным успехам. От матери он перенял такие черты характера, как мечтательность и задумчивость. Сэм мог очень долго размышлять на какую-нибудь вечную тему, рассуждая про себя и дискутируя с самим собой. И так понятно, что у молодого человека было очень много девушек, но, в отличие от Реджины, парень не пренебрегал вниманием противоположного пола и с радостью увлекался одной или сразу несколькими девчонками. Он часто менял партнерш не только в платоническом плане, но и со стороны постели. Сэма очень любили девушки, потому что он был безумно обаятельным и харизматичным. Парень запросто мог очаровать любую, лишь бросив на нее вальяжно развязный взгляд. В колледже Сэм имел особую популярность: многие парни уважали его за талант и шутливый характер, а девушки просто сходили по нему с ума. Отличительной особенностью данного парня было то, что он постоянно носил маски, меняя их и подстраиваясь под различные жизненные и социальные условия и обстоятельства. Так в колледже он был одним, а наедине с собой противоположно другим. На учебе парень всегда строил благодушное и простенькое, веселое настроение, но, закрываясь у себя в комнате, тот погружался в себя, в мир своих «скелетов из шкафа» и «монстров под кроватью». У Сэма был очень сложный и необычный характер, но почти никто из его знакомых не догадывался об этом, так как парень позволял им узнать себя только поверхностно: настолько, насколько нужно было ему самому, и не более. Единственным человеком, который знал Сэма очень и даже слишком хорошо, был его лучший и единственный настоящий друг Рой Эндерс. С Роем молодой человек учился с первого курса на одном факультете, в одной группе. Почти сразу же Сэм понял, что именно этот человек поймет его лучше, кого бы то ни было, ведь Рой был почти таким же, как и он. Парни быстро нашли общий язык и стали самым популярным дуэтом во всем колледже. Рой тоже был очень привлекательным и крутым для девушек и постоянно этим пользовался, удовлетворяя свои сексуальные потребности, а иногда и корыстные. Рой, в отличие от Сэма, был очень логичен и замысловат, хитер, почти как Уильям; но пользовался он этим только во благо себя и своего лучшего друга. Имея великие познания в психологии и человеческой природе, Рой в последние полтора года стал замечать кое-что странное и ненормальное в поведении Сэма. И связано это было с Реджиной.

Рой давно догадывался, что у его лучшего друга нездоровое увлечение младшей сестрой, но, пока Сэм не затрагивал эту тему и пытался усердно это скрывать, приятель молчал, держа свои догадки при себе.

И ведь он был прав. Великим секретом Сэма была тайная и сильная увлеченность Реджиной. Несмотря на то, что парень имел огромное количество подружек и мог заполучить любую, не прикладывая при этом особых усилий, он всегда не мог спокойно смотреть на свою младшую сестру, которая совершенно не подозревала о чем-то подобном; с тех пор, как ей исполнилось четырнадцать лет. Конечно же, никто из членов семьи не знал и даже подумать не мог о таком разврате в стенах их дома, поэтому Сэм всегда старался изображать полное безразличие по отношению к Реджине.

Поразительной и, наверное, не самой удачной чертой семьи Фелтонов было то, что никто из родственников, кроме Саймона и Анны, между собой почти не общался. Каждый из

детей был предоставлен самому себе, не общаясь притом друг с другом. В течение дня они могли обмениваться малочисленными и стандартными, банальными фразами, которые в общем счете не означали ничего конкретного и целесообразного. Родители же, в свою очередь, обеспечивали и кормили детей, давали им все, что те ни просили бы, но с духовной стороны они не делали совершенно ничего, сутками пропадая на работе. Что удивительно — ни один из троих отпрысков не злоупотреблял наркотиками и алкоголем, был по-своему одарен и чем-то занят, хотя воспитанию детей в подростковые годы родители не уделяли никакого внимания. Сэм иногда, когда посещал с Роем студенческие вечеринки, мог выпить или покурить травку, но дальше этого, как правило, дело не заходило. Хотя бывало и такое: когда Сэм уже совсем не мог держать себя в руках, глядя на Реджину, он доставал из своего ящика с бельем какой-нибудь легкий наркотик, употреблял его. Затем тот запирался у себя в комнате, доставал гитару и несколько часов подряд перебирал струны, находясь в странном состоянии под действием определенного вещества, чтобы не думать о своих аморальных желаниях, которые связаны с младшей сестрой. Это отвлекало его, хотя с каждым разом обманывать свои чувства и мысли становилось все сложнее и труднее — они все равно настигали его в обусловленный и очень не подходящий момент.

В комнате Сэма частенько бывал беспорядок, но иногда на него находили порывы чистюли, и парень мог ревностно убирать и задраивать свою комнату до блеска, но, спустя пару дней, все возвращалось в привычное русло, превращаясь в типичную комнату творческой натуры. Сэм очень не любил яркий свет, поэтому занавески в его спальне были светонепроницаемыми. Окна его всегда были зашторены и плотно закрыты. В жару парень просто включал кондиционер, и проблем с температурными условиями у него больше не было. Что касается одежды, то здесь он был привередлив, выбирая для себя только то, что подходит его индивидуальному стилю. Естественно, он пытался поддерживать в колледже иллюзию крутого, общительного и популярного парня, а потому ему приходилось следить за своим внешним видом, перебарывая мужскую лень и инстинкты первобытного человека, которые иногда советовали Сэму в очередной раз забить на чистку зубов, душ, одеколон, стирку одежды. Не без старания молодой человек пересиливал себя.

Но вот солнце уже полностью взошло, и семья начала потихоньку пробуждаться...

Глава 2. Запретный плод всегда сладок

Я проснулся развалившимся на кровати и полузавернутым в скомканную простыню, из-за чего мягкая поверхность матраса оказалась почти полностью открыта. Глаза мои слиплись, и я долго не мог открыть их. Я не знаю, сколько точно я лежал, раскинув руки в разные стороны, но из коридора раздался голос матери:

— Завтрак на столе!

Мне было лень вставать и спускаться вниз. Хотя кого я обманываю? Я на самом деле голоден, как волк, но я просто не хочу видеть ее, Реджину. Вчера, когда она пришла поздно вечером домой, у меня было огромное желание, которое побуждало меня подойти к ней и довольно грубо расспросить, где она шаталась и какого черта так поздно пришла домой, но... это было бы очень странно с моей стороны, это было бы не похоже на меня. Мы почти не общаемся с ней, хотя я постоянно наблюдаю за Реджиной и знаю ее довольно-таки неплохо для таких безликих семейных отношений. Моя болезненная страсть усугубляется с каждым днем, перерастая во что-то смутно напоминающее маниакальный фанатизм. Боже, если кто-нибудь узнает о моих тайных страстях, то будет жуткий скандал, и мне очень повезет, если меня не выгонят из дома. А Реджина? На нее это подействует крайне негативно, я уверен. Нет, надо держать себя в узде. Но она такая аппетитная, такая сексуальная. Когда я вижу Реджину, то внутри меня начинает пробуждаться дикий зверь, который мечтает повалить ее на постель и...

— Сэм! Реджина! — голос матери раздался совсем близко, и при звуке имени Реджины я вздрогнул. — За стол! Вас одних ждем.

— Уил, как всегда, пунктуален, — ехидно и язвительно промурлыкал я себе под нос. Я поглядел на одну из своих раскинутых рук. Вены на ней набухли и стали на вид твердыми и резко отчетливыми. Я облизнул сухие губы и приподнялся, потирая лицо. В мыслях было только одно: «Только бы не пересечься в Реджиной».

Когда я вышел из комнаты, накинув на полуголое тело футболку, я глянул на лестницу, которая вела на третий этаж, — она была пуста и кверху становилась непроглядно темной. Либо сестра уже спустилась, либо еще отсыпается. Я быстро направился на первый этаж, а, когда услышал скрип лестницы, которая ведет к комнате Реджины, и вовсе ускорился, как метеор, и буквально влетел в столовую. Ох, этот звук, этот скрип лестницы третьего этажа. По ночам, когда Реджина спускается попить воды на кухню или в туалет, я всегда замираю и перестаю дышать, так как слышу этот скрип и представляю, как ее маленькая и аккуратная ножка ступает по полу. Один раз я даже возбуждился, когда два раза подряд услышал этот скрип и очень детально представил себе, что это скрипит кровать, на которой мы с Реджиной...

— Доброе утро. — Она прошла мимо меня. Сначала я обрадовался, так как подумал, что приветствие было обращено именно мне, но потом вспомнил, что в помещении находятся остальные члены семьи, и все они уставились непонятливыми взглядами на меня, так как я застыл на месте, предварительно, как безумец, вбежав в комнату. Я состроил невозмутимое лицо, сделал взгляд расслабленным и сонным, хотя на самом деле был взбудоражен больше обычного. Щеки мои пылали, но я надеялся, что все сочтут это обычным предлетним жаром. Скоро лето. А я и не заметил, как пролетел этот учебный год, так как почти все время пытался скрываться от Реджины и от своего глухого и слепого тяготения к ней.

— Милый, тебе налить еще кофе? — Мама, как всегда, как и каждое утро, не могла долгое время сесть за стол, так как носилась туда-сюда, из столовой в кухню и обратно, обслуживая всех.

— Да, — прогудел отец, уставившись в газету и не обращая внимания на маму. Я старался не смотреть на Реджину, поэтому я не видел, во что она одета, но я и не хочу, так как больше, чем уверен, что это будут очередные коротенькая маечка с оголенным животом, и шортики, открывающие ее шикарную попку.

Черт! У меня эрекция! О, хорошо, что я хоть успел сесть за стол. При одной мысли об ее теле у меня задрожало все внутри, пронеслись жгучие мурашки, и встал член. Прекрасно! Я громко и раздраженно выдохнул и стал ковырять вилкой в омлете. Я был голоден, у меня урчало в животе, но есть я не мог, так как рядом со мной сидел Уильям, а рядом с ним — Реджина. Я нервно сглотнул, стараясь подумать о чем-то другом, о чем-то невинном и целомудренном. Я стал представлять себе церковь и монашек. Да. Я опустил голову, будто бы ем, а сам прикрыл глаза и стал думать о монахинях. Вот они стоят и поют рядом с алтарем, атмосфера свято прекрасная, одухотворенная — все молятся в песнопении, и я наблюдаю за этим. Постепенно эрекция начала уходить, и я уже обрадовался этому, как вдруг Реджина произнесла своим сладким голоском:

— Пап, передай, пожалуйста, графин с соком. — Отец, не отвлекаясь от газеты, на ощупь нашел графин и поставил его перед Уильямом. Уил и Реджина утомленно переглянулись, закатив глаза, мол, «как всегда», а потом Уил передвинул сосуд к Реджине.

Чертов мелкий засранец! Меня всегда напрягало, когда они вместе контактировали. Хоть мы и не общаемся между собой, но мне, как параноику, казалось, что Реджина более склонна как к брату к Уильяму, который на самом деле просто чертов позер. Я недолюбливал младшего брата, и я был убежден, что тот ненавидит меня. Не знаю, почему именно так, но это проклятое мужское соперничество между двумя кровными братьями.

— Спасибо, — пропела Реджина, и во второй раз я уже не выдержал — стояк с новой силой стал пробивать ткань моих пижамных штанов. Я поднял голову, положил вилку и налил себе воды в стакан, выпил его в один глоток. Мне необходимо было успокоиться и прийти в себя, как можно скорее, чтобы не наломать дров. От напряженности ситуации меня начало лихорадить, хотя семья вроде бы спокойно сидела и завтракала, как обычно, как и чертово каждое утро. Мне казалось, что это театр, и все строго соблюдают свои роли, придерживаются текста и образов, и один я, актер, который забыл свой текст и не знает, какое действие будет следующим, я ждал антракта.

— Дорогой, во сколько ты сегодня придешь? — наконец-то сев, поинтересовалась тоненькой интонацией мама.

— Поздно, — буркнул отец, перелистывая страницу. Мама кивнула, положив в рот вилку с кусочком омлета, и не стала больше говорить. Я никогда не понимал, зачем она каждое утро спрашивает его об этом, потому что отец каждый раз отвечает ей одно и то же. И вновь это все до жути напомнило мне спектакль. Только я выбивался из труппы, один я выделялся. Мне казалось, что меня вот-вот раскусят. Так и не притронувшись к еде и выждав, пока эрекция хотя бы немного утихнет и дойдет до такого слабого состояния, чтобы я смог прикрыть промежность футболкой и выйти из-за стола, я тотчас же встал, что-то сказав про хороший завтрак маме, и поспешил на выход, к лестнице. Выходя из столовой, я услышал, как мама спрашивает:

— Что происходит с Сэмом? Он уже почти месяц ничего не ест за завтраком.

— Наверное, у него творческий кризис, — вздохнул безразлично отец. Дальнейший их разговор я не слышал, так как уже поднимался по лестнице. Зайдя в свою комнату, я облегченно вздохнул. Я вспотел от волнения, которое настигло меня в столовой. Ужас какой-то! Такими темпами я с ума сойду. Я быстро нашел телефон под грудой одежды на стуле и набрал Роя. Друг взял трубку почти сразу же.

— Да?

— Рой, мы можем встретиться в кафе через минут сорок? — Делая резкие паузы между словами, спросил я, посмотрев на светлую щель между толстыми шторами

— она меня взбесила.

— Опять? — удивился искренне приятель. — Тебя что, не кормят дома?

— Я... я, кажется, немного приболел. Вроде сначала есть не хочется за завтраком, а потом, как пробивает, и я снова хочу есть, — соврал быстренько я. Друг немного устало вздохнул, но согласился. После разговора я стал поспешно собираться, ища одежду, тетради и принадлежности для душа. Сбегав в душ до того, как Реджина спустится вниз дожидаться школьного автобуса, я схватил свою сумку и, как ошпаренный, вылетел из дома, даже не попрощавшись с мамой, которая в своей излюбленной соломенной шляпе уже работала в саду на переднем дворе.

Рой ждал меня в кафе, как мы и договаривались. Я, тяжело дыша, подошел к столику, за которым он сидел, скинул сумку на диванчик, оперся руками о край столешницы и опустил голову, пытаясь отдышаться. Рой немного флегматично обратил на меня свой взор, поправил очки, надвинув их на нос средним пальцем, и спросил спокойно:

— За тобой гнались?

— Нет... я боялся опоздать, — выпалил я басом. Рой вскинул иронично брови, затем легким движением глянул на свое запястье с часами.

— Да ну? Я пришел сюда раньше на двадцать минут, потому что живу напротив, а ты? Боялся опоздать, говоришь, учитывая, что ты всегда опаздываешь?

Я не знал, что ответить — лишь выпучил глаза и уставился на Роя, который выжидающе равнодушно смотрел на меня сквозь стекла своих узких и почти незаметных очков.

— Ладно. Вижу, что не скажешь. Садись, — сдался он. Я плюхнулся напротив своего друга и сложил руки на столе перед собой, сгорбившись. Рой же, как и обычно, сидел с выпрямленной и ровной осанкой.

— Ты уже заказал что-нибудь? — решил начать я.

— Нет. Я поел дома, в отличие от тебя, — кивнул с саркастическим видом тот. Я рухнул головой на руки.

— Я просто не могу есть дома.

— Твоя же мама здорово готовит, покруче многих шеф-поваров. В чем дело? У нее пропал кулинарный талант? — все с той же монотонной интонацией говорил Рой.

— Это я заболел... — я поднялся, так как к нам подошла хорошенькая официантка, которая тут же вспыхнула при виде меня и Роя.

— Вы будете что-нибудь заказывать, мальчики? — миловидно спросила она, любезничая.

— Мне простой черный кофе без сливок и сахара, — холодно бросил ей Рой.

— Мне, пожалуйста, жареный бекон, тосты, салат с курицей и яичницу из трех яиц, и зеленый чай с сахаром, — успокоившись и придя в себя окончательно, попросил я. Милашка, записав все в свой блокнотик, улыбнулась и удалилась от нас к другим клиентам.

— Да ты очень голоден, я смотрю. Может, все-таки расскажешь, в чем дело? Или мне самому предположить? — подозрительно оглядел меня друг.

— Сам давай! — с вызовом бросил я, откинувшись на мягкую спинку диванчика.

— Боюсь, тебе не понравится мое правдивое и, я уверен, точное предположение,

— предупредил меня Рой, снова поправив очки своим постоянным движением.

— Наплевать! — я знал, что он начнет сейчас что-то говорить мне про психологию и мои проблемы, связанные с девушками или с ситуацией в семье, но он ошибется. Он не может знать.

— Реджина, — вымолвил он четко, и именно в этот момент рядом с кафе пронеслась на огромной скорости машина, сигналив. Я даже подскочил на месте, и в горле у меня застыл комочек недосказанности. Я не среагировал вовремя, и поэтому Рой по одному моему виду понял, что он прав. Он победоносно и довольно усмехнулся, тут же ослабив хватку.

— Расслабься. Я уже около полутора года наблюдаю за твоим ухудшающимся состоянием. Я видел, как ты смотришь на нее, как меняется твоя мимика, когда кто-то о ней упоминает. Ты же знаешь, что от меня такие мелочи не ускользают, — объяснил он.

— Рой, ты... — хотел начать оправдываться я, но приятель прервал меня.

— Не волнуйся. Кому я скажу? Ты мой лучший друг. Это, конечно, очень странно, что ты влюблен в свою сестричку, но... всякое в этой жизни бывает, — понимающе сказал тот. Я вздохнул с облегчением, что хоть кому-то теперь смогу рассказать об этом, и хорошо, что это оказался именно всевидящий и всезнающий Рой.

— Так ты давно заметил? — спросил я.

— Да. В тот день, когда вы были всей семьей на пляже, помнишь? Ей тогда, кажется, только пятнадцать исполнилось. Мы встретились там с тобой случайно еще, потом вместе плавали, в волейбол играли. И, черт, ты так на нее пялился... я не понимаю, как родители еще не заметили твоего похотливого взгляда на сестричке! — рассказал Рой весьма эмоционально. Тут нам принесли наш заказ. Когда официантка, покетничав с нами, снова ушла, я продолжил нашу беседу.

— Мои родители, вообще, ничего не замечают, — иронично и с усмешкой произнес я, начиная разрезать яичницу и бекон, орудуя ножом и вилкой.

— Да. Успешный программист с повадками карьериста и писательница, живущая вся в своих книгах, — это мощный и почти нереальный союз, — покачал он головой, а затем вернулся к истории с пляжем. — Я, конечно, и до этого что-то подозревал, но я не думал, что ты вожделеешь именно Реджину. В тот день мои догадки подтвердились.

— Почему раньше не сказал, что все знаешь? — поглощая с удовольствием и постепенным насыщением пищу, продолжил я узнавать подробности слезки Роя за мной.

— Я думал, что тебе это очень не понравится, и ты вспыхнешь. Но сейчас вижу, ты на грани, раз даже есть при ней не можешь. Это последняя стадия, чувак, — качнул головой Рой.

— Последняя стадия перед чем?

— Перед тем, как ты ее трахнешь, — ехидно и заговорщически произнес друг, преспокойно попивая кофе. Я остановился есть, отложив на время вилку с ножом, затем уставился на Роя растерянно злостным взглядом.

— Я не стану...

— Да ну? Я больше, чем уверен, что ты миллион и один раз уже прокручивал у себя в голове, как все это будет происходить. У тебя в голове стопроцентно около тысячи

сценариев развития событий. Причем где-то есть счастливый конец, а где-то он совсем не радужный, — прочитал мои мысли за последние два года Рой. Все-таки ему надо было идти в медицинский колледж на факультет психологии, как он изначально и хотел. Он был бы лучшим там. Но его мать взяла с него обещание, что сначала Рой получит музыкальное образование, вот он и корпит над нотами и заучиванием гитарных аккордов.

— Д-да, но я не собираюсь ничего делать. Это по-любому закончится хуже, чем я даже предполагаю, — сомнительно пожал я плечами. — Представь только, какой будет скандал...

— А ты не думал, что она, может, тоже этого хочет? — спросил неожиданно приятель.

— Определенно нет. Она меня не воспринимает как мужчину. Ты же знаешь Реджину: она вся в подругах и спорте. Я не удивлюсь, если она даже не целовалась ни с кем ни разу! — взмахнул я возражающе рукой.

— Может, и так, но ты не можешь знать наверняка ее мысли.

— Я не хочу так рисковать. А вдруг родители узнают?

— Они постоянно на работе, а если изредка и не на работе, то заняты чем-то другим, но только не вами, чувак. Сам же знаешь ответы на все свои вопросы. Не мне тебе объяснять, — криво улыбнулся Рой, разведя руками.

— А Уильям? Ты же знаешь, что этот засранец видит все. Он, как ты, только хуже в раз десять! — воскликнул я. — Даже если «О, чудо!», Реджина согласится на какие-то взаимоотношения больше, чем брат и сестра, то этот гаденыш сразу же все пронюхает.

— Хм, тут сложнее, согласен. Но с этим тоже можно разобраться, если хорошенько подумать, — с хитрым видом почесал щетинистый подбородок Рой.

— Нет, нет и еще раз нет. Это исключено! — запротестовал я.

— Ох, просто сделай это! Ты же все равно сорвешься, я ж тебя знаю! — прыснул Рой.

— Слушай, тебя, вообще, вся эта тема не смущает? — приостановился я.

— Смущала бы, если бы я не был аморальным подонком похлеще тебя, — злодейски обнажил улыбку Рой. И он прав. В безнравственности я явно ему проигрываю, и есть на то свои причины.

— Нет... все-таки я попытаюсь держаться до последнего. Глядишь, отпустит, — отрицательно помотал головой я.

— Я тебе уже сказал, что я думаю на этот счет, — настаивал спокойно на своем Рой. Когда я доел свой второй за день завтрак, мы направились с другом в колледж, затрагивая неприличную тему касательно Реджины только поверхностно и косвенно.

Занятия прошли спокойно и как обычно. Я даже на некоторое время смог отвлечься от того, что происходит в моей жизни, когда я дома; смог в перерывах между парами пообжиматься с парочкой своих знакомых девушек в укромных уголках колледжа, а потом я и вовсе решил отвести дух перед тем, как вернуться в злосчастный дом, и решил развлечься в пустующем кабинете биологии с Самерс Ридинг. Да. Я часто сплю с этой девчонкой, она моя самая продолжительная сексуальная партнерша, так как с ней все просто: мы занимаемся сексом тогда, когда я этого хочу, а потом расходимся, и она не достает меня постоянными звонками и сообщениями, встречами и выслеживаниями. К тому же она довольно красива и сексапильна, что вдвойне меня радует.

В этот раз я решил дождаться ее около женского туалета, прихватив на вахте ключ от постоянно пустующего и запыленного кабинета биологии (никогда не понимал, зачем он нужен в музыкальном колледже). Она с подружками проходила мимо, как вдруг я схватил ее за талию и притянул к себе, страстно и развязно поцеловал, запихнув язык ей в рот. Она

мгновенно ответила на поцелуй, а ее подружки, застенчиво захихикав, пошли дальше.

— Пойдем в кабинет биологии? Я хочу тебя прямо сейчас, — не дав ей ответить, я снова погрузил свой язык в ее рот.

— М-м-м, да... — простонала она, когда я перебрался небрежно на ее шею. Самерс была чирлидершей, а потому фигура у нее была просто загляденьем. Это, конечно, не сравнится с запретным телом Реджины, но хватает, чтобы удовлетворить меня. Когда мы ввалились в кабинет, я даже не удосужился запереть дверь на замок, но этого и не требовалось, так как сейчас проходила пятая пара, а потому по колледжу навряд ли кто-то будет ходить.

Я нетерпеливо начал снимать с нее поло и юбку, а потом повалил Самерс животом на парту и стянул ее бежевые кружевные трусики. Не дождавшись, пока она окончательно увлажнится, я вошел в девушку, отчего та вскрикнула. Меня почему-то в этот раз сильно взбесило это, и я, немного поработав в этой позе, перевернул Самерс, как мешок картошки, на спину и вошел в нее по новой.

— Какой ты грубый сегодня... — заныла сладострастно голубоглазая блондиночка.

— Заткнись! — я накрыл ее рот своей ладонью и вышел на очень быстрый и жесткий темп. Только голубые удивленные глаза вперились невинным взором на меня, и тут меня будто бы переключило, и я совершенно нечаянно представил на ее месте Реджину. Тут же я возбуждился до невозможного состояния и кончил слишком быстро, чуть не забыв вытащить член из Самерс. Я выдохнул, когда все мое напряжение выплеснулось на плоский животик девушки. Она глубоко дышала, наблюдая за тем, как полупрозрачная белая жидкость разлилась по ней.

— Ты был сегодня очень хорош, Сэм, просто, как зверь... — прошептала она эротично и удовлетворенно, запрокинув голову и сложив руки на своем лице. — Такой дикий... и поспешный, хих!

— Да... чего-то я в этот раз... быстро... прости, — согласился я, натягивая штаны и застегивая ширинку с ремнем.

Когда мы с Самерс разошлись, я, какой-то опустошенный, направился домой. Было уже почти шесть часов вечера, когда я только-только вышел из учебного заведения. Рой ушел еще после четвертой пары, а я остался, чтобы выпустить пар с Самерс. Перед своим домом я стоял ближе к семи, так как старался сюда не торопиться. Я молился, чтобы Реджина была в своей комнате наверху или на тренировке, и я не застал ее, но по закону подлости, когда я вошел в прихожую, я увидел картину, которая напрочь выбила меня из шаткого душевного равновесия, в которое меня недавно привела Самерс. Реджина стояла на цыпочках в просто нереально коротеньких шортиках, которые больше напоминали трусы; в топике и беленьких носочках, перегнувшись через стол и засовывала в свой ротик ягоды вишни из корзины. Я громко вздохнул, и она обернулась.

— О, это ты, Сэм! — жуя очередную вишенку, спохватилась та непринужденно. — Я испугалась, что это мама.

— Реджина, у тебя же аллергия на вишню, — прокашлявшись, строго сказал я, стараясь смотреть на ее лицо, а не на тело. Хотя лицо сестры возбуждало меня не меньше.

— Знаю, но я чуть-чуть, я очень люблю ее! Только маме не говори! Она эту вишню для пирога собрала, — приставила тоненький указательный палец к своим покрасневшим от сока вишни губкам та, мило округлив глаза. Я сглотнул, понимая, что сейчас сорвусь.

— Где мать? — как-то грубо, но рассеянно спросил я, сделав опасливый шаг назад,

словно испугался Реджины.

— В саду, она только недавно пришла с работы и сразу же пошла в сад, — немного удивившись моим странным повадкам, ответила та. Я, ничего не сказав, что было очень невежливо, потопал по лестнице на второй этаж и забежал в свою комнату, громко и сильно хлопнув дверью. Я не знаю, что подумала моя сестра, но, клянусь богом, если бы она сказала, что мать еще на работе, я бы накинулся на нее и трахнул прямо на корзине с вишней. Ей очень повезло, а вот мне? Повезло ли?

Глава 3. Вишневая кровь

Всю ночь я не мог уснуть: мне снилась Реджина, которая неистово сводила меня с ума своим нагим сочным телом юной девственницы. Я проснулся в два-тридцать ночи весь в холодном поту. Я, тяжело дыша, оглядел темную комнату и убедился, что я бредил, и Реджины тут не было. Внезапно до моего слуха долетел заветный скрип ступеньки. Я вздрогнул и напрягся, встав с кровати тихонько подойдя к двери. Я приоткрыл ее, чтобы сквозь щель видеть, что происходит на втором этаже. Реджина спускалась вниз: видимо, она хочет съесть, как обычно почти каждую ночь, фрукт и выпить стакан воды. Она была в одних трусиках и коротенькой маечке, которая почти ничего не прикрывала. Я прижал ладонь ко рту и глухо взвыл, зажмурившись.

Что она делает со мной? Я же просто изнемогаю уже от желания! Конечно же, у меня началась эрекция. Куда же без нее, родимой? Я встал по стойке смирно, сжав кулаки, собрался с духом и решился на очень рискованный шаг. Я вышел из комнаты и, слегка пригнувшись, убедился, что на кухне горит свет, и Реджина нарезает себе фрукты. Она будет там минут двадцать, как всегда, поэтому за это время я сделаю то, о чем очень долгое время даже мечтать не мог. Я тихонько стал ступать по ступенькам третьего этажа. Член стоит, сердце колотится от волнения, адреналин в крови подскочил — «здорово»! Я специально обошел эту судьбоносную скрипучую ступеньку и фактически уже оказался на третьем этаже. Вдруг я услышал, как из своей комнаты вышел Уильям. Я замер, а глаза мои чуть из орбит не вылетели от страха быть пойманным. Но Уил просто вышел в туалет — он не собирался спускаться вниз и подходить к лестнице, на которой стоял я. Я вздохнул и закрыл глаза, чтобы успокоить себя, а затем продолжил путь вверх, к заветной цели. Когда же я, наконец-то, оказался на самом высоком ярусе дома, меня начало знобить от того, что я нахожусь на этаже Реджины. Здесь она жила все шестнадцать лет. Я прошел чуть вперед и увидел, что дверь в ее комнату распахнута настежь. Оказавшись в комнате своей младшей сестры, я первым делом освоился на местности, прикинув пути возможного отступления. У Реджины была очень большая комната с огромными окнами и выходом на крупный и широкий балкон, расположенный по всему периметру третьего этажа, — там стояли ее тренажеры. Я бывал здесь всего пару раз и только в детстве, поэтому слабо помнил, как в комнате сестры все обустроено. К тому же, как мне известно, два года назад тут делали капитальный ремонт. Обои были нежно-кремовыми с белым оттенком и красивым бордюром на потолке. Шоколадно-кофейный паркет был прохладным, поэтому я переступил на сине-серый громоздкий и толстый ковер. В комнате было все, что нужно девушке в шестнадцать лет: большое трюмо с многочисленными ящичками, огромный шкаф купе, двуспальная кровать, рядом с кроватью стояла тумбочка, а в ногах стоял столик с внутренними стеклянными полками, которые были уставлены книгами, тетрадями, коробочками. Дальше был рабочий стол с компьютером, далее шел бежевый диван, напротив которого на стене находился телевизор. Повсюду висели разные фотографии, плакаты, рисунки, картины. Я прошелся по комнате, оглядывая все с умиленной улыбкой. Я прикасался к мебели, которая принадлежала Реджине, и на душе становилось сразу тепло и комфортно, тихо. Как будто моему внутреннему психопату вкололи успокоительное, и он находился сейчас в сладком сне. Это непередаваемое ощущение внутренней гармонии и осознания того, что ты действительно дома. Эта комната и есть дом для моего сердца. Вдруг

я замер, как вкопанный, вытаращив глаза. Над кроватью Реджины висел фиолетово-синий ловец снов с лиловыми перьями, который я подарил ей на шестнадцатилетие. Я выбирал только самый лучший, ручной работы, и вот он висит у нее над кроватью. Странно, что картины, которую подарил ей Уильям, нигде не было. Я подошел к ловцу снов, опершись рукой о кровать, и пощупал его, словно хотел убедиться в том, что я не грежу наяву, и он действительно висит над тем местом, где Реджина спит. Я стал улыбаться, как идиот, поняв, что мой подарок пришелся ей по душе. Я еще раз огляделся вокруг и достоверно уверился, что картину Уила Реджина никуда на видное место не повесила. Я был просто счастлив, пока не услышал шаги. Видимо, я слишком замечтался и совсем забыл о времени. У меня началась легкая паника, я заметался и выскочил на балкон, спрятавшись за толстой пальмой, вкопанной в округлом горшке. Меня фактически не было видно, а вот кровать Реджины была, как на ладони. У меня образовалась очень удачная точка обзора. В комнату вошла Реджина, как и ожидалось. Она села на кровать, потянувшись, из-за чего низ ее груди совсем немного стал виден. Я так возбудился, что чуть не издал стон, но вовремя себя осек. Внезапно Реджина забралась на кровать с ногами и села на колени, лицом к ловцу снов. Я отодвинул лист пальмы, чтобы лучше видеть, что она делает. Реджина погладила изделие по перьям и склонила голову на бок, произнеся:

— Сэм.

Я весь восторженно испугавшись, что она видит меня, но та продолжила, глядя на ловца.

— Почему ты не смотришь на меня?

Рот мой сам собой приоткрылся от удивления. Девушка вздохнула и улеглась на подушку, даже не соизволив прикрыть свое полуголоое безобразно привлекательное и сексуальное тело. Я не знаю и не помню, сколько точно стоял промерзший от прохладного ночного воздуха, но, когда на небе стали появляться первые светлые крапинки, предвещающие рассвет, я понял, что скоро начнет светать, и мне пора бы перебраться в свою комнату. Я нервно сглотнул и медленно вышел из-за пальмы, боязливо высовывая голову из балконной двери. Реджина лежала все в том же положении. Я не мог оторвать взгляда от нее, но мне пришлось, так как ситуация была накаленной. Только я собрался выходить из комнаты, как вдруг случайно задел какую-то круглую пластиковую статуэтку, и она с глухим стуком упала в сантиметре от спасительного ковра, который обезопасил бы меня от лишнего шума. Я весь сжался и зажмурился, а сердце мое сначала подпрыгнуло до горла, а потом упало в пятки. Я, не спеша, обернулся, боясь увидеть распахнутые и удивленные глаза младшей сестры, но она лишь сонно вздохнула и перелегла на спину, раскинув руки и отвернув голову. Я выдохнул и положил руку на сердце, так как от частых волнений его уже начало покалывать. Затем я подошел к кровати Реджины, потому что понял, что спит она глубоким сном. Я опустился перед кроватью на колени, чуть прикрыв глаза и опустив руки по бокам своих бедер. Атмосфера была завораживающей. Реджина лежала прямо передо мной — вся раскрытая и совершенно незащищенная. Я стал сбивчиво дышать и перестал чувствовать под собой твердую почву. Голова кружилась от того, что я сейчас вижу Реджину так близко и в такой сексуальной позе. Я осознавал, что мне необходимо срочно уносить ноги, так как скоро рассвет, но я не мог отойти от нее. В комнате пахло не только ее духами, но и самой Реджиной. Ее собственный запах витал повсюду и кружил мою голову, погружал меня в транс плотских страстей. Я весь пылал и горел вожажденным огнем, который не мог унять в себе на протяжении уже двух лет. Это так мерзко, и я знаю о том, что эта связь не

сможет просуществовать долго, но хотя бы на секунду я хотел ощутить вкус ее кожи на своих губах. Я собрался со всеми своими внутренними силами и нагнулся совсем близко к ее животу. Ее смугленькая и нежная кожа была в миллиметре от моих губ, и я ощущал запах чистого девичьего тела. Да, его я ни с чьим другим не перепутаю. Я часто сглатывал слюну, так как мне очень хотелось просто впиться губами в это место, на которое я сейчас смотрю, и оставить там горячий засос, но сестра проснулась бы. И меня было уже не остановить, я решился, понадеявшись на крепость ее сна. Я мягко и кротко прикоснулся губами к ее коже, замерев от страха. Реджина чуть слышно вздохнула, но продолжила глубоко дышать, посапывая. Я, слегка помедлив, примкнул губами снова к тому же месту и лизнул ее кожу. Реджина мотнула головой, но глаза не открыла. Дыхание ее оставалось прежним — по нему я мог судить, спит она или начинает пробуждаться. Это давало мне легкий и шаткий контроль над ситуацией. Нужно быть аккуратным, чтобы не наделать ошибок. Я ведь все же не знаю, что она имела в виду, когда разговаривала с моим подарком. Может, она другого Сэма имела в виду? Или я просто сплю, и все это снится мне? У меня слишком большое воображение. Я схожу с ума.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я был уже прилично возбужден, так как эрекция подняла мой мужской дух с новой силой. Я приподнял свои руки и положил одну из них на гладкое и нежное бедро Реджины. Я быстро глянул на ее лицо и оценил дыхание — порядок. Затем моя ладонь медленно с шершавым тихим звуком проскользнула на внутреннюю сторону ее бедра, приблизившись к секретному и такому желанному мною местечку. Бледно-розовая ткань плотно прилегающих трусиков скрывала то, о чем я мечтал целых два года. Я хотел гораздо большего, но пока что не мог себе этого позволить. Это напоминало мне некую игру под названием «обезвредить бомбу, пока не рванула». Одно неловкое движение, и она откроет глаза, и все пойдет крахом. Вторую свободную руку я положил на ее живот и погладил его. Черт, мне казалось, что мой стояк сейчас вырвется из штанов и начнет с воплями и нецензурными выражениями носиться по комнате. Я усмехнулся, когда представил себе эту картину, но напряженная ситуация вернула меня на место. Правой рукой, которая лежала на внутреннем бедре Реджины, я максимально приблизился к ее промежности. Выставив большой палец чуть вперед и уперевшись в клитор, находившейся под тонкой тканью, я начал водить им по кругу. Реджина немного дрогнула, но сон ее не прервался. Я начал учащенно дышать, так как это была самая откровенная, но при этом самая запретная ласка в моей жизни. Я чуть ли не падал в обморок от того, насколько мне хотелось вжать это тело в кровать и вставить в него свой возбужденный член. Но это лишь пустые фантазии. Наслаждайся-ка ты, Сэм, тем, что имеешь, так как это гораздо больше, чем то, на что ты мог надеяться. И тут мне в голову пришла очень пошлая, но гениально удовлетворяющая идея. Но, если Реджина все же проснется, то я уже точно не смогу объяснить свои действия. Спустившись большим пальцем ниже, к месту, где должен быть вход внутрь, я почувствовал, что моя сестра изрядно намочила. После этого я не выдержал, приспустил с себя штаны и взял левой рукой ближайшую к краю кровати руку своей сестры. Продолжая трогать сестру в промежности, я положил ее аккуратную и маленькую ладошку на свой твердый и горячий член, сверху накинув свою руку. Начиная делать поступательные движения взад-вперед рукой Реджины, я от удовольствия тихонько застонал, прикрыв глаза и запрокинув голову. Видимо, ей начало сниться что-то эротическое от подобных ласк наяву, так как Реджина начала, глубоко дыша, постанывать, напрягая во сне мимику лица и слегка мотая головой. Я же получал настолько

грандиозное удовольствие, что еле сдерживался. Я ускорил руку Реджины и стал ласкать ее через трусики уже не просто большим пальцем, а целой ладонью, приложив ее к промежности девушки. Реджина очень сильно намокла, и я был близок к тому, чтобы кончить, но перед этим мне хотелось хотя бы во сне, но доставить ей такое удовольствие, которое она не скоро забыла бы. Я немного отодвинул ткань ее трусиков, обнажив девственную влажную щелочку. Я приставил средний палец ко входу в лоно и стал водить им, слегка погружая внутрь. Когда сил держаться больше не было, я бурно и обильно кончил, пытаясь не стонать слишком громко. Когда последние волны наслаждения стали постепенно утихать, я убрал свою руку от промежности сестры и натянул штаны. Заметив, что ее рука вся в моей сперме, я спохватился и стал впопыхах искать салфетку или какую-нибудь тряпку. Спустя несколько минут, я нашел влажные салфетки и протер ими ручку моей сестры. Затем я поспешно удалился из ее комнаты довольный и улыбочивый, даже наступил на скрипучую ступеньку. Я больше не боялся. Ложился спать я с легкостью на душе.

Утром мама, как обычно, позвала всех к завтраку. Я спустился: за столом собрались все, кроме Реджины.

— Доброе утро, — поприветствовал я семейство. Все кивнули.

— Где Реджина? — спросил я, садясь за стол и приступая к еде. Видя, что я в первый раз нормально завтракаю за столь долгое время, мама улыбнулась.

— Ей нездоровится. Она решила сегодня остаться дома, — рассказала мама.

— Понятно, — как можно более безразлично сказал я, будто бы интересовался только из вежливости.

— Ты идешь сегодня в колледж? — неожиданно спросила мать. И тут-то я решил соврать, поняв, что если останусь сегодня дома, то мы с Реджиной будем одни.

— Нет. Сегодня только две пары, и бесполезные, так что, я сегодня буду дома, — я пытался выражать как можно меньше эмоций.

— Отлично. Приглядишь за Реджиной, — простодушно сказала мама. — Хорошо?

— Да без проблем, — пожал я плечам, доев завтрак. Реджина так и не спустилась вниз.

Ожидать, пока все уйдут из дома, было невыносимо. Все это время я расхаживал по комнате, думая, что буду говорить, когда поднимусь к ней наверх. Когда за мамой, которая уходила сегодня последней, в одиннадцать часов утра захлопнулась дверь, я выждал еще минут десять, а затем спустился на первый этаж и пошел в столовую, чтобы взять из бара что-нибудь крепко алкогольное для храбрости. Найдя отцовский коньяк, я налил себе немного и выпил. Тело пробрала кратковременная теплая дрожь, и я стал неуверенно подниматься наверх. Передо мной уже была лестница третьего этажа, и я больше, чем когда-либо, сомневался в правильности своего выбора. Поняв, что это неизбежно, и я все равно рано или поздно пойду на поводу у собственных желаний, я быстро поднялся наверх, приобретая непринужденно легкую походку, будто бы ничего не произошло.

Все та же комната младшей сестры, только повсюду слишком яркий свет, я прищурился, чтобы разглядеть, где находится Реджина. Она сидела в наушниках на диване, завернувшись в плед, и смотрела что-то на планшете. Я подошел к ней сзади и дотронулся до плеча сестры. Она мгновенно сдернула наушники и обернулась.

— Сэм? — удивилась она.

— Да, — кивнул я, боясь, что она узнала во мне персонажа из своего эротического сна.

— Что ты тут делаешь? Я думала, все ушли, — ее голос до того звучал невинно, что я снова начал возбуждаться.

— У меня сегодня свободный день, и мама попросила меня за тобой приглядеть, — я сложил руки перед собой и поджал губы, якобы недовольный указом матери.

— Прости. Я, наверное, нарушаю твои планы. Если тебе нужно идти, то иди. Я не маленькая уже, — до боли равнодушно проговорила она, положив руку на спинку дивана и развернувшись ко мне побольше.

— Нет. Я, в общем-то, планировал сегодня побыть дома, — обыденным тоном оповестил я сестру, вскинув глаза на секунду кверху.

— Хорошо, — улыбнулась она легонько.

— Что с тобой случилось? Мама сказала, что тебе плохо, — решил поинтересоваться я, присаживаясь рядом с ней. Я расставил ноги в стороны и оперся о свои колени локтями. Реджина немного зарделась и засмузилась. Мне все стало понятно, и внутренне я заулыбался.

— Ну... голова болит, — соврала она.

— И это все? — сдвинул я удивленно брови.

— Нет...

— Что еще?

— Эм... я не знаю... мы с тобой мало общаемся, хотя ты мой старший брат и все такое... — неуверенно начала она, отвернув голову. Я расправил плечи и приготовился услышать то, что хотел.

— Говори. Я все пойму и никому не скажу.

Реджина обернулась, испытующе поглядев на меня. Я пытался контролировать свои эмоции.

— Тебе часто эротические сны снятся, Сэм? — спросила она, нагнувшись корпусом ближе ко мне.

— Ну, я парень, и бывает, знаешь ли, — с простой и степенной интонацией ответил я, внимательно слушая сестру.

— А мне раньше никогда не снились, а сегодня ночью мне приснился такой пошлый сон. Будто бы меня трогает... один человек, — замялась на последнем слове та. Я взволнованно вздохнул, проморгавшись.

— Это нормально. Ты же взрослеешь. А что это был за человек?

— Я не могу сказать, — вскочила неожиданно она и заходила передо мной туда-сюда. Она опять была в очень откровенном наряде, но я был увлечен разговором, поэтому легко смог не смотреть на ее тело.

— Почему? Ты хоть знаешь, кто это был? — начал я издали, тихонько улыбаясь.

— Да, — призналась Реджина.

— Так скажи, или я его не знаю? — хитро покосился я на Реджину.

— Знаешь, — грустно вздохнула девушка.

— Так кто это тогда?

— Ты будешь ругаться, — Реджина застыла, вперив в меня волнительный взгляд. Ее явно это беспокоило. Она покусывала губы, и это уже напрягало меня. Я откинулся на спинку дивана и расставил ноги еще шире.

— С чего бы? — развязно спросил я, прикрыв слегка веки, будто бы разговор начинает казаться мне скучным.

— Ну... обещай мне, что ты никому не скажешь, и не будешь ругаться, и читать мне нотации. Я знаю, что это очень и очень плохо, даже ненормально! — Реджину точно

раздирало какое-то очень незнакомое и противоречивое ей чувство.

— Я жду, — поджал я губы. Она молчала некоторое время, а потом выпалила то, что заставило меня расплыться в улыбке:

— Этот человек подарил мне ловца снов, которого я очень хотела, на день рождения. — Затем она резко отвернулась от меня, спрятав лицо в ладони, девушка немного дрожала. Я встал, оттолкнувшись руками от дивана, и в два шага вальяжно подошел к ней. Я смотрел на ее затылок фамиллярным взглядом и понимал, что все уже давным-давно решено было за меня, что я просто тормозил, и Рой был прав: нужно было действовать, чтобы не терять время.

— Тебя это пугает? — низким голосом спросил я, начиная обольщать Реджину.

— Да, — буркнула она.

— Почему?

— Тебе разве приятно слышать такое? — испуганно спросила та. Я промолчал, а потом положил свои ладони ей на талию, опустив голову вниз.

— Мне нравятся эти слова, — признался я. Реджина сделала шаг назад и уперлась спиной в меня. Я не ожидал таких решительных действий с ее стороны, но все же не замешкался и обнял ее сзади, полностью обхватив руками за живот. Губами я стал водить по ее затылку, перебирая волосы, ароматно пахнущие шампунем.

— Мне так страшно... — промолвила она. Я был уже возбужден и не мог упустить такой момент.

— Не бойся. Я же твой старший брат, — усмехнулся я похотливо.

— Это и плохо. Мы не можем... — начала Реджина шепотом, но я перебил ее.

— Глупости. Все можно, если осторожно. Никто не узнает, — я закрыл глаза и зарылся лицом в ее красные волосы.

— А если?..

— Мы будем осторожны, — я повторил эту фразу, потому что не хотел услышать отказ. Я не мог его услышать. Слишком далеко все зашло.

— Сэм... — прошептала она, подняв руки и положив их по бокам моей головы. — Мы же родственники.

— Это мне лично не мешает, — я начал целовать ее шею сзади, шепча запретные слова.

— Мне так сложно.

— Расслабься, — я проник руками спереди под ее майку и стал гладить живот и ребра. Попка сестры уперлась в мою промежность.

— Л-ладно, — выдохнула она, поддаваясь необычно новым ощущениям. — Сэм?

— Что? — я хрипел от вожделения. Звериные инстинкты начали набрасываться на меня

— У тебя было много девушек?

— К чему ты спрашиваешь?

— Ну... ты опытный? — она очень боялась своих слов, и это читалось и слышалось во всем.

— Достаточно, — ответил я удовлетворительно.

— Х-хорошо.

— К чему такие вопросы? Ты ревнуешь? — я начал двигать тазом, плотно прилегая к упругой попке моей сестры. Она сладко вздохнула со стоном, и я прижался сильнее.

— Я-я... просто хочу тебя попросить об одолжении.

— Все, что угодно, — я положил руки на ее бедра и стал водить им вверх и вниз.

— Лиши меня девственности, — я был шокирован таким предложением, но одновременно и рад.

— Ты уверена, что хочешь этого? Чтобы именно я? — решил удостовериться я в уверенности своей младшей сестры.

— Да.

— Назад дороги не будет. Если ты пойдешь на это, то я овладею тобой полностью. Я не собираюсь останавливаться, — я взял Реджину одной рукой за шею, а второй прижал ее тело полностью к своему.

— Хорошо, я согласна, — дала добро та. И я повел ее к кровати, но она начала толкать меня руками обратно.

— В чем дело? — прервавшись, спросил я, развернув ее к себе лицом и взяв его в ладони. — Тебе страшно?

— Давай сделаем это в твоей комнате. Я так хочу, — отведя глаза, в которых стояли слезы, попросила та. Она очень боялась того, что делает.

— У меня такое ощущение, что я заставляю тебя. Я чувствую себя насильником. Так дело не пойдет. Ты должна сама захотеть этого, а не я должен тебя уговаривать, — я отошел от нее, отпустив. Реджина была недвижима. Из глаз ее капнула пара слезинок и потекла по щекам. Она смотрела, куда угодно, только не на меня. Я вздохнул и направился к выходу из комнаты.

— Если ты решишься, то только скажи. Мне будет приятно сделать это с тобой, — произнес я, не решаясь выложить все карты на стол, рассказав о своих тайных чувствах уже в течение двух лет и о том, что я делал с ней этой ночью. Лучше ей вообще об этом не знать. Пусть думает, что она сама пошла на подобное.

Я вышел из комнаты Реджины раздосадованный и огорченный, но я не мог заставлять сестру идти против ее же воли. Я зашел в свою комнату и стал искать травку в ящике с бельем. Выкуривая косяк, я услышал звонок мобильного, подошел. Это была Самерс.

— Слушаю, — пробасил я, покуривая.

— Эй, не хочешь развлечься? Сегодня ночью моих родителей не будет дома, придешь? — Хорошая мысль, но я был слишком расстроен, да и теперь по отношению к Реджине это было бы подло.

— Нет, Самерс. Другие планы.

— А... — хотела что-то сказать она, но я сбросил трубку и докурил самодельную сигарету, выбросив окурок в мусорное ведро под столом. Я достал гитару и стал брэнчать на ней, пока полностью не погрузился в ритм и мелодику струн, которые столько раз спасали меня от мании и сумасбродства. Так пролетел день. Ближе к вечеру вся семья вернулась домой. Все, кроме отца, который, как часто бывает, остался на работе на всю ночь. Я лег спать с тяжелой головой. Несколько раз я слышал, как Реджина спускалась вниз и поднималась к себе. Ближе к полуночи я начал засыпать. Уснул я довольно быстро, что странно, так как голову мою заполняла целая уйма мыслей.

Проснулся я посреди ночи от того, что кто-то вошел в мою комнату. Я сразу понял, что это была Реджина и, даже окончательно не проснувшись, улыбнулся. Она подошла к кровати, а я протянул руку и прикоснулся к ее бедру, погладив.

— Все-таки хочешь? — прошептал я, ложась на спину.

— Ага? — кивнула она. — Ты возьмешь меня?

Я цокнул языком, будто бы оценивал ее, проведя по ее коже рукой от бедра к лобку и,

начиная поглаживать его большим пальцем сквозь ткань трусов. Реджина вздрогнула.

— Хорошо. Только я буду говорить тебе, что ты должна делать. Сможешь? — решил поиграть я, чтобы узнать, насколько далеко она может зайти, и что я могу с ней сделать.

— Только... пожалуйста, не все сразу, — засмушалась она, громко вздохнув.

— Посмотрим, — шепнул я, пошлепав ее легонько снова по бедру. Реджина стояла, как солдатик, и ждала моих указаний. В полной и крошечной темноте ее силуэт смотрелся как-то по-особенному.

— Сядь на меня сверху, — попросил мягко я, стараясь говорить тихо. Реджина послушно убрала с меня одеяло, немного удивившись тому, что я лежу в одних трусах, и села сверху. Ее мягкая киска оказалась прямо на моем твердо вставшем члене. Она, почувствовав его под собой, поерзала, пытаясь найти удобное положение, чем доставила мне массу приятных ощущений. Затем, найдя комфортное положение, девушка остановилась, положив ладони на мой торс.

— Нет. Ерзай, продолжай, — с усмешкой поклянчил я. Она неохотно начала двигать тазом, а я стал вздыхать, откинув от удовольствия голову назад. Затем я взял ее бедра в свои сильные и властные руки и стал задавать собственный темп.

— Да... Вот так... — поддался я эмоциям. — Давай.

Внезапно мне захотелось большего, и я сказал:

— Остановись. — В ту же секунду Реджина прекратила телодвижения.

— Тебе неприятно? Я что-то не так сделала? — стала беспокоиться она, тараторя.

— Нет. Все супер, только я хочу пойти дальше, если ты, конечно, не против, — интонация моя была очень развратной и с эротическим подтекстом.

— Как скажешь...

— У меня опять складывается ощущение, что я тебе приказываю. Я так не хочу. Скажи сама, — я скрестил руки на груди, убрав их с бедер Реджины. В темноте, может, и не было видно, но, я уверен, что она ощутила на себе мой выжидающий взгляд.

— Что сказать? — не поняла неопытная девушка.

— Чего ты хочешь.

— Тебя, — шепнула она, и тут меня сорвало с цепи, и я запрокинул голову, положив ладони на лицо и замычав мучительным тоном.

— Ох, ну что ты со мной делаешь? Так и напрашиваешься, чтобы я делал с тобой всякие развратные вещи.

— Сделай. Мне хочется, — неуверенно произнесла она. Я вернул голову в прежнее положение, набравшись уверенности и решительности.

— Слезай, — приказал повелительно я. Реджина быстренько соскочила с меня, неуклюже встав на пол. Я сел на кровати, разминая шею. Затем оперся руками назад и опять вальяжно развалился, небрежно глядя на свою сестру.

— Сними с себя трусики, — прошептал я. Она, недолго думая, сняла их с себя.

— Отдай их мне. — Она отдала. Я спрятал их под подушку и вернулся в прежнее положение.

— Подойди ко мне ближе, — велел я, и девушка робко двинулась вперед. — Расставь ножки.

Я выпрямил спину, и мое лицо оказалось напротив промежности Реджины, которая, я знал, очень смушалась подобной откровенности. Я приложил ладонь к киске Реджины и заулыбался, как довольный мартовский кот, потому что девушка была насквозь мокрая.

— Пошлая девочка. Уже вся мокрая, — я вошел в нее средним пальцем, еще плотнее прижав ладонь.

— А-ах! — громко простонала она от боли. Я тут же отдернул руку, испугавшись, что ей неприятно. Я вскочил.

— Извини, тебе больно? Я забыл, что ты девственница, — я приобнял ее.

— Давай решим эту проблему? — предложила она.

— Уверена? — я поднял ее рукой за подбородок, направив глаза девушки к себе.

— Да. Пожалуйста, — просила она.

— Будет больно, — предупредил я. — Я никогда не умел делать этого безболезненно, правда.

— Я потерплю, — храбро пообещала Реджина

— Но я могу обещать тебе, что потом, когда привыкнешь, тебе будет очень приятно.

— После этих слов я потянулся к ее губам и поцеловал. Это чувство: словно слабый электрический разряд пронзил меня. Я так давно ждал этого. Поначалу Реджина целовала меня неумело, но затем быстро сориентировалась, что к чему. Я медленно подвел ее к своей кровати и повалил. Она раздвинула ножки, пропуская меня к себе. Я приспустил трусы до колен и приставил член к ее промежности.

— Реджина, это важный шаг. Ты уверена?

Она быстро закивала головой. Я поджал боязливо губы, затем приподнял ее майку, обнажая прелестные грудки моей младшей сестры. О, они были прекрасны. Я стал целовать их, обводя соски языком. Реджина сладко постанывала, пытаясь издавать тихие звуки.

— Не кричи громко... — хрипло попросил я, начиная входить в нее.

— Ой! — вскрикнула она слегка. Я чувствовал, что дело идет туговато, но ощущения были потрясающие. Реджина мужественно терпела все тяготы дефлорации. Когда я вошел в нее полностью, я заметил, что девушку трясет.

— Больно?

— Терпимо... — прошептала она, взяв мою голову в руки.

— Я буду двигаться сейчас, — предупредил судорожно я, делая поступательные движения. Реджина зажмурилась и закусил губу, что смотрелось очень эротично. Я принялся целовать ее шею, ключицу, плечи.

— Умничка. Потерпи, скоро боль уйдет, — сбивчиво дышал я, оглядывая лицо сестры быстрым взглядом. Спустя время, Реджина привыкла и даже начала постанывать. Я закинул ее ноги назад и начал задавать нормальный, быстрый темп. Ее щель была очень узенькой, поэтому я понимал, что очень скоро кончу.

— Я скоро кончу, ладно? — как-то глупо сказал я, но для Реджины это звучало нормально в данной ситуации. Она кивнула, поддаваясь похоти.

— Только не в меня! — как-то странно воскликнула она.

— Я, может, и идиот, но не до такой степени, — просипел я, тяжело дыша, прижимая тельце сестры плотнее к себе. Когда ощущения стали нарастать внизу живота, я заранее вытащил член из Реджины и уже мануально закончил процесс, выплеснув сперму на грудь сестры. Я посмотрел на свою руку, которая была в крови, глянул вниз, и ужаснулся: бежевая смятая простыня была в красных пятнах, как и промежность Реджины.

— Черт, девственницы, сколько с вами проблем! — схватился я чистой рукой за голову. Реджина привстала и посмотрела на кровь отсутствующим взглядом. Волосы ее были взъерошены.

— Такая яркая. Прямо, как вишня, — пробормотала та.

— Вишневая кровь, — усмехнулся я по-доброму. Реджина улыбнулась. В этот день я совершил то, о чем фантазировал целых два года, но одновременно с этим я сделал колоссальную ошибку.

Глава 4. Завершение

Шли недели, май подходил к концу, и я уже умудрился при таком бешеном ритме жизни с Реджиной сдать успешно все экзамены, кроме одного. Этот экзамен был особенно важен для меня, так как там будет присутствовать комиссия, и мне нужно будет проявить себя с самой лучшей творческой стороны. В ночь перед экзаменом я сидел и усердно готовился, изучая техники игры на гитаре и техники вокала. На часах было полвторого ночи, когда в комнату ко мне проскользнула Реджина. Она подошла к моему столу и стала рассматривать то, что я делаю на компьютере, то, что я пишу в блокноте.

— Это тот самый последний экзамен, про который ты говорил? — поинтересовалась она, хотя я прекрасно понял, зачем она сюда пришла. Явно не для того, чтобы выяснить, как у меня проходит подготовка к экзамену.

— Да. Очень важный, — строго ответил я, заложив карандаш в рот и став набирать новый запрос в адресной строке.

— По-о-онятно, — протянула певуче девушка, подпрыгнув игриво на месте. Затем сестра подошла ко мне сзади и обняла за плечи.

— Ты совсем забыл про меня с этой учебной дурацкой. Я вот быстренько все тесты и нормативы сдала и теперь могу гулять, — обиженно проскулила та.

— Реджина, — я, правда, очень хотел сейчас заняться совсем не музыкой, а моей сестрой, но мне нельзя было завалить этот экзамен, — мне нужно готовиться. Завтра я все сдам, и у нас с тобой будет впереди целое лето.

— Я не могу ждать! — девушка вскочила рядом со мной, поймав своими ладошками мою руку. — Взгляни! — она приставила мою руку к своей промежности, и я ощутил, что Реджина вся мокрая.

— Ох, — мучительно вздохнул я, откидываясь назад и обращая весь свой взор на сестру, которая победоносно стояла и улыбалась.

— Чуть-чуть, — нагнулась она и прошептала.

— Реджина, что ты со мной делаешь? — терзал себя я.

— Хочу, чтобы ты сделал со мной кое-что... — укусила меня за мочку уха Реджина.

— Ой-йой, — простонал я, пытаюсь сдерживать себя. Но когда ее шаловливые пальчики добрались до моего уже порядком возбужденного органа и стали щупать, я уже не выдержал.

— М, сама напросилась! — я резко встал и притянул Реджину к себе, страстно поцеловав. Никогда бы не подумал, что так неразумно влюблюсь... И в кого? В свою младшую сестру. Это такой вздор, такая нелепица, но я не мог управлять своими чувствами. Она обхватила мою шею и запрыгнула на меня, а я подхватил ее руками за бедра. Очень быстро мы переместились в горизонтальное положение. Что-то скрипнуло за дверью, и я отвлекся. Книголюб.нет

— Что это было? — спросил настороженно я.

— Сквозняк. Я оставила балкон открытым, — в порыве страсти просипела Реджина, возвращая мое внимание к себе. Я не мог трезво рассуждать сейчас и соображать, поэтому сильно обострять этот вопрос не стал. Поцелуи стали перерастать в настоящую звериную страсть, похоть приобретала новые масштабы и размеры. Я схватил Реджину на талию и бережливо, но быстро переложил на живот.

— Хочу тебя так... — прохрипел я, покусывая и целуя ее ягодицы и бедра.

— Скорее... — простонала она. — Я взорвусь сейчас просто.

Я, как и попросила сестра, медлить не стал, быстро избавившись от ее шортиков и трусиков, затем расстегнул пряжку своего ремня и высвободил эрегированный член. Я всем телом примкнул к Реджине и, нащупав ее щелочку, вошел, плавно погружаясь в омут приятных ощущений.

— Сэм... — сладко прошептала со стоном она. Я закопался лицом в ее волосы, а руками стал гладить ее бедра и ножки, постепенно задавая нежный темп, который со временем превратился в ритмично быстрый.

— Ты такая сладенькая. М, какого черта ты моя сестра? — промурлыкал я, целуя ее шею.

— Ах, сейчас это неважно! — говорила Реджина. Ощущения снова начали нарастать, и я кончил на попку своей сестры, которая судорожно вскрикнула от оргазма.

Всю ночь, как часто бывало в последний месяц, мы сидели и разговаривали обо всем, я играл тихонько что-то на гитаре, потом мы обнимались, лежали и целовались. Я очень любил вот так проводить время с Реджиной, но это было для нас жуткой проблемой, так как при родителях и Уильяме мы старались вести себя равнодушно друг к другу, как будто ничего не происходит, но сказать, что это было мучительно, означает ничего не сказать. За завтраками мы перекидывались парочкой, казалось бы, незначительных взглядов, но это было очень много для нас. Эти чувства были запретны в любом случае, и мы молились, чтобы об этом никто никогда не узнал.

Утром я, позавтракав, сразу же отправился в колледж, но внизу, когда я уже собрался выйти за дверь, меня окликнули. И это был не кто иной, как Уильям. Еще до того, как он что-то сказал, я все понял, и лицо мое приобрело мрачный оттенок. Только не это...

— Слушай, Сэм. У меня к тебе всего один вопрос. Уделишь мне пару минут? — лукаво и язвительно начал младший брат.

— Что тебе нужно? — грубо ответил я, приготовившись к худшему.

— Я тут давеча начал замечать, что вы с Реджиной стали очень дружны.

— Давай без сарказма, — поставил я перед ним осекающе руку. — Что ты знаешь?

— Все. И даже больше. Я все видел. Хотя бы сегодняшней ночью. Очень мило, — улыбнулся тот. Его гладко и аккуратно уложенные волосы всегда вызывали у меня раздражение, но в этот раз я просто еле контролировал свой гнев.

— Прекрасно. Хоть в кой-то раз не дешевое порно из интернета посмотрел, а увидел настоящий секс, — разозлился я не на шутку. — И что дальше? Тебе все равно никто не поверит.

— Мне — нет, а вот видеозаписи — скорей всего! — усмехнулся он, вытащив из своей школьной сумки камеру.

— Чертов ты ублюдок, — тихо, но грозно прошипел я, сжавшись всем телом от напряжения. — Что тебе с этого? У меня всего один вопрос — зачем?

— И у меня, поверь, и у меня все тот же один единственный вопрос: зачем? Вернее

— почему? Она же наша сестра.

— Это вышло... случайно.

— У вас как-то это уже месяц случайно выходит, — маленький мерзавец стал включать камеру, затем развернул небольшой экран в мою сторону, и я увидел знакомые мне сцены и кадры, на которых мы с Реджиной делаем запрещенные и аморальные вещи. Мне хотелось прямо здесь и сейчас схватить его, разбить Уилу все лицо и запихать ему эту камеру в

задницу. Но, боюсь, мама сразу же прибежит на шум.

— Так это был ты вчера... — сказал я себе под нос. — И что ты хочешь? Шантаж?

— Можно и так сказать, — поправив свою прическу легким движением руки, произнес заносчиво Уильям. — Вы с Реджиной никогда мне не нравились, а ты особенно. Ты вечно забирал всю славу себе. Ох, какой же Сэм у нас талантливый! На гитарке бренчит и что-то там в микрофон воеет, а на самом деле ты пустое место. Ты не крут, братишка, ты ничтожество! — злостно проговорил парень.

— Это я понял, — проглотил я с трудом оскорбления. — Что ты хочешь?

— Чтобы ты убрался из города.

— И как ты это себе представляешь? — изумился я. — У меня здесь учеба, как минимум.

— Ага, и младшая сестренка, которую ты потрахииваешь периодически! — иронично добавил Уильям. Я быстро глянул за его спину, чтобы убедиться, что наш странный диалог никто не слышит.

— Прекрати. Это несерьезно.

— Еще как! Я даже уже понял, как ты можешь свалить отсюда раз и навсегда, — внезапно Уил достал из своей сумки вскрытый конверт и протянул его мне. Я опасливо взял его, оглядев. На конверте было напечатано мое имя.

— Какого черта ты распоряжаешься моей почтой? — вспыхнул я, но вовремя взял себя в руки. Нельзя было допустить, чтобы Реджина пострадала из-за этого молокососа и его домашнего видео с нашим участием. Я достал письмо и быстро пробежался по нему глазами, оторопев от шока — одновременно приятного и не очень. Это было письмо, присланное лично мне из бостонского музыкального колледжа Беркли. Они отбирают для своего колледжа таланты со всей Америки, и я попал в этот список.

— Быть этого не может... — оперся я о дверь.

— Да. И эти идиоты в тебе талант разглядели. Так что. свали, и это видео останется при мне. Реджина и никто другой ничего не узнают, — выплюнул эти слова Уильям. Я не без боли в глазах посмотрел на него, размышляя.

— Я подумаю... — угрюмо сказал я, опустив голову. Выбора у меня не было.

— Ну думай. У тебя есть время до начала июня, а иначе эта запись попадет прямиком в руки родителей. — Затем брат прошел мимо меня, специально задев плечом, и вышел за дверь. Я приложил ладонь ко рту, начиная паниковать.

В колледже, за двадцать минут до начала экзамена, я выловил Роя и рассказал ему о том, что произошло. Рой, конечно же, уже с первого дня был в курсе того, чем мы с Реджиной занимаемся. И, прознав про уловки Уила, совершенно не удивился.

— Так он вас раскусил? — вытаращил глаза тот от ожидаемого раздражения. — Вот же мелкий гаденьш! — Рой психанул, ударив рукой по железному шкафчику. Я молчал, держа в руках письмо, которое уже успел посмотреть и мой лучший друг.

— Что делать, Рой? — умоляюще посмотрел я на своего приятеля. — Что мне делать?

— Ты, иди на экзамен! — взял меня за плечи Рой. По его взгляду, полного энтузиазма, я понял, что тот что-то задумал.

— Что ты хочешь сделать? — спросил неуверенно я.

— О, твой брат, может, и логический гений, но я старше и опытнее. Я знаю все о шантаже! — вспыхнул идеей Рой.

— Ладно... Делай, как знаешь, — достоверно глянул я на того.

— Твои родители сейчас дома? — задал он необычный вопрос.

— Нет, все ушли, — оповестил я Роя.

— Отлично. Дай мне ключи от дома! — Я протянул ему связку, и тот побежал к выходу.

— Что ты хочешь сделать? — громко спросил я, глядя на удаляющегося друга.

— Твой брат очень сильно пожалеет, что связался с нами! — таинственно прокричал мне Рой. Я остался в недоумении и пошел на экзамен.

Прошел он гладко, комиссия была очень довольна мною. Несмотря на то, что я был погружен в свои мысли и проблемы, спустя полтора часа, я вышел из аудитории, облегченно вздохнув. Я собирался отправиться домой, но в коридоре меня выловил мой куратор.

— Сэм, подожди! — подбежал ко мне седовласый мужчина в темно-синем поло и бежевых брюках.

— Мистер Флеверс? — вопросительно уставился я на того, обернувшись.

— Послушай, тебе уже пришло письмо из Бостона?

— Да, — как-то печально впери я взгляд в пол.

— Я очень горжусь тобой, Сэм! Я думаю, и твоим родителям приятно будет узнать, что музыкальный колледж Беркли желает видеть тебя в рядах своих студентов со следующего семестра, — восторженно стал говорить тот, окидывая меня своими теплыми карими глазами.

— Да... но мне же снова придется все начинать и вытягивать с первого курса, я потеряю уйму времени, — замялся я.

— В том-то и вся выгода этого предложения, что ты идешь к ним на третий курс, так как сейчас закончил второй. — Я сильно удивился. Если все так, то это мой шанс выбиться в знаменитые музыканты. Мой шанс пробиться на эстраду.

— Сэм, это, конечно, твой выбор, но такой шанс выпадает раз в жизни. Непусти его. Если будешь готов, то ты должен будешь отправить им ответное письмо и явиться сюда за документами, которые мы переведем в Бостон по почте в случае твоего согласия, — обосновал мне всю ситуацию куратор. — И, да, Сэм, ты молодец. У тебя настоящее призвание в музыке. Это твое. Непусти только, хватай удачу за хвост.

Подмигнув, мистер Флеверс пошел по своим делам, а я разбитый побрел домой. Всю дорогу я думал о том, как мне поступить, в результате я принял решение.

Дома меня ожидал настоящий сюрприз. Я вошел в прихожую и услышал шум, треск и гам на втором этаже. Я мигом вскочил на лестницу и вбежал на этаж, застав там Роя, который дрался с моим братом. Уильям явно проигрывал в этой драке, так как он лежал на полу, упираясь головой с окровавленным лицом в стену, и ныл. Рой же сидел перед ним на корточках, заноса кулак.

— Я в последний раз тебя спрашиваю, где оставшаяся камера с записью?! — взвыл он злобно.

— Она в сумке, в сумке! — истерично заскулил Уил, закрывая лицо руками. Рой отбросил несчастного Уильяма и полез в его сумку, которая валялась неподалеку. Найдя там то, что искал, он разбил камеру о пол, после чего прошелся жестко по разбитым осколкам техники ногой. Уил ныл, как девчонка, чуть ли не плача.

— Что произошло? — недоумеваю, спросил растерянно я.

— Этот урод! — завопил Уил жалобно. — Нашел все мои сохраненные записи, все до единой, каждую копию, и удалил! Как?!

Я благодарно взглянул на Роя.

— Я же говорил, что побольше некоторых знаю о шантаже и о том, куда нужно прятать копии компромата. Не надо строить из себя вундеркинда, если ты обычный отброс! — плюнул на моего брата Рой.

— Чувак, ты просто спас меня! — я подошел к Рою и по-мужски обнял его. — Но что мы будем делать со стукачком?

— Хм, я не думаю, что он настолько туп, чтобы распространяться о своем унижительном поражении.

Уильям, поверженный, сидел на полу и ощупывал свою голову. Он молчал, так как сказать моему брату было нечего. Я же безмерно был благодарен Рою за то, что он сделал. Но все же меня гложит мое решение, которое менять я в связи с новыми обстоятельствами не собирался. Я решил уехать в Бостон.

— Будь осторожнее, — обратился ко мне Рой, а затем к Уильяму. — А ты, ничтожество, еще раз выкинешь подобный фокус, я лично по стенке тебя размажу! Не дорос еще, чтобы со взрослыми дядьками тягаться! Если твой брат не имеет права поднять на тебя руку, то я сделаю это за него с превеликим удовольствием!

Уил ненавистно уставился на моего друга и, подобрав свою сумку, уполз к себе в комнату. Рой же поднял разбитую камеру и пошел в мою комнату. Я отправился туда же.

— Так ты решил все-таки уехать? — разочарованно переспросил в очередной раз мой приятель, надеясь тщетно, что я передумаю. — Но почему? Все же хорошо закончилось. Уил будет молчать, ты успешно сдал все экзамены, и вам с Реджиной ничто не мешает.

— Слушай, Рой, я понимаю, что это сейчас прозвучит сопливо и все такое, но... эта любовь, она запретная. Я очень люблю Реджину и не меньше хочу быть с ней, но сам подумай, к чему приведут подобные отношения? Мы влюбимся за лето друг в друга окончательно, потеряем головы, а что потом? Мы вырастем, я окончу колледж, она поступит в колледж, я устраюсь на работу, мне нужно будет съезжать от родителей, но... какие перспективы в Рио-Гранде у меня есть? Никаких. Официальные отношения мы с Реджиной завязать не сможем, а чем дальше все будет заходить, тем подозрительнее для окружающих это будет выглядеть. Пока все не зашло в бесповоротный тупик, который разрушит жизнь Реджине, я должен все оставить.

Рой внимательно выслушал меня с серьезным лицом, понимающе закивал головой и произнес:

— Ты прав. Полностью. Я понимаю. Неужели все было зря, получается?

— Нет. Я навряд ли когда-нибудь разлюблю Реджину. Правда. Мне ни одна девушка, кроме нее неинтересна. Ни одна Самерс Ридинг не заменит мне мою сестру, — мечтательно вскинул я глаза. — А Реджина, она еще маленькая. Пострадает и забудет. Найдет другого парня.

— Да. Так и будет. Но она не простит тебя... — предупредил сурово Рой.

— И это я знаю. Поэтому у меня к тебе просьба, — я нагнулся к Рою. — Приглядывай за ней, будь рядом и рассказывай мне, как у нее тут дела идут, хорошо?

— Обещаю, — Рой встал и я за ним, мы по-дружески обнялись. — Я буду скучать, чувак. Но ты уж покори там весь Массачусетс!

— Постараюсь, — мы разомкнули объятия.

Тем же вечером я выложил перед родителями письмо из колледжа. Они были рады и одобрили мой выбор. Реджина все это время стояла рядом и слушала весь наш разговор. На ней не было лица, и что-то внутри меня болезненно трещало по швам, когда ее

опустошенный и страдальческий взгляд задевал меня. Мне хотелось сорваться и бросить всю эту дерьмовую затею с колледжем Беркли, но я думал не только о своем будущем, но и о будущем моей младшей сестры, на котором можно было бы поставить позорный крест, если бы я остался в Рио-Гранде.

Ночью я отправил письмо в Бостон со своим согласием, а следующим утром отправился в деканат своего колледжа. Мистер Флеверс был очень рад моему «правильному» выбору, да вот только меня терзали одни лишь негативные чувства от этого единственно верного решения.

В начале июньского сезона, когда я летел на самолете, все мои мысли были лишь о Реджине, которая так и не поехала провожать меня в аэропорт. И неизвестно было, чем закончилась бы эта слепая страсть, останься я в Рио-Гранде.

Больше книг на сайте - Knigolub.net